

Леонид Андреев
Профессор Сторицын

«Public Domain»

1912

Андреев Л. Н.

Профессор Сторицын / Л. Н. Андреев — «Public Domain», 1912

«Профессор Сторицын – худощавый, высокого роста, ширококостный человек лет сорока пяти. Держится очень прямо, ходит неслышно и быстро, жесты широки и свободны; и только в минуты большой усталости и нездоровья слегка сутулится. Седины не заметно: ни в темных, тонких, слегка разметанных волосах, ни в короткой, подстриженной бороде. Красивым лицом и формой головы профессор напоминает несколько Т. Карлейля; под скулами темнеют впадины. Обычное одеяние – свободно сидящий, широкий сюртук, отложной, не закрывающий шеи, крахмальный воротник. Внешний вид Сторицына скорее суровый, чем мягкий, и только в разговоре и поступках выявляется его истинный характер...»

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Леонид Андреев
Профессор Сторицын
Драма в четырех действиях

Действующие лица

Сторицын Валентин Николаевич, профессор.

Елена Петровна, его жена.

Володя, Сергей, дети

Модест Петрович, брат Елены Петровны.

Телемахов Прокопий Евсеевич, профессор.

Саввич Гавриил Гавриилович.

Княжна Людмила Павловна.

Мамыкин.

Дуняша, горничная Сторицыных.

Фекла, кухарка Модеста Петровича.

Геннадий, денщик.

Действие первое

Профессор Сторицын – худощавый, высокого роста, ширококостный человек лет сорока пяти. Держится очень прямо, ходит неслышно и быстро, жесты широки и свободны; и только в минуты большой усталости и нездоровья слегка сутулится. Седины не заметно: ни в темных, тонких, слегка разметанных волосах, ни в короткой, подстриженной бороде. Красивым лицом и формой головы профессор напоминает несколько Т. Карлейля; под скулами темнеют впадины. Обычное одеяние – свободно сидящий, широкий стюрок, отложной, не закрывающий шеи, крахмальный воротник. Внешний вид Сторицына скорее суровый, чем мягкий, и только в разговоре и поступках выявляется его истинный характер.

Осенний вечер, часов около семи. Окна на улице завешены тяжелыми суконными партерами, и воздух в профессорском кабинете тяжел, глух и неподвижен, как в пещере. Везде книги: как бы вышла из своих берегов библиотека и заливает комнату сверху; на столах рукописи и гранки. Видны мучительные усилия привести в систему книжный и бумажный хаос, но порядку мало: книжные шкафы без ключей, не на месте валяются вчерашние газеты. Пол затянут темным сукном; на стенах портреты писателей в черных рамах и несколько картин – подарков знакомых художников. На большом письменном столе рабочая лампа с непроницаемым абажуром; тут же на металлическом подносе начатая бутылка красного вина с двумя стаканами. В высоком стеклянном бокальчике одинокая роза. В стороне на столике, возле дивана, горит лампочка со штепселем, зеленый колпачок снят, чтобы виднее было; хозяин, профессор Сторицын, не совсем здоров, и его внимательно выслушивает и выстукивает Прокопий Евсеевич Телемахов, друг и товарищ Сторицына еще по гимназии, теперь профессор военно-медицинской академии. Телемахов в военном, докторском стюроке с генеральскими погонами; седоват, сух, лицо морщинисто и желто, речь и жесты отрывочны и скупы. На тонком сухом носу пенсне, которым Телемахов пользуется только при писании рецептов и занятиях, обычно же смотрит поверх стекол, наклоняя голову и морща лоб. Ростом немного ниже Сторицына.

В углу в кресле притаился Модест Петрович, не дышит, боится помешать осмотру, с беспокойством следит за неторопливыми, серьезными движениями Телемахова.

Вот Телемахов приподнял рубашку у больного и приложился ухом к широкой, вздрагивающей от холода спине.

Телемахов. Вздохни.

Сторицын. Так? (Вздыхает протяжно.)

Телемахов. Довольно. Так. Нагнись. Вздохни еще. Так. А теперь положи правую руку на голову.

Сторицын. Я не понимаю, как?.. Так, что ли?.. Ну, довольно?

Телемахов (выстукивает). Погоди. (Снова внимательно слушает.)

Сторицын (рассматривая себя). Экое дрянное тело, кожа бледная, зябкая, неживая. Плохое тело, Телемаша?

Телемахов. Профессорское. Повернись-ка.

Сторицын. Да ты уж стукал... извини, извини, не буду. А ведь я, в сущности, здоров, как лошадь, мне бы на дороге камни ворочать или в цирке «Модерн» борцом. Если бы не сердце...

Телемахов. Молчи, не мешай.

Сторицын. Молчу, Модест, если тебе не трудно, дай дружок, со стола папиросу.

Модест Петрович. Сейчас, Валентин Николаевич, с удовольствием.

Телемахов. А подождать не можешь?

Сторицын. Если уж нужно, то могу, а вообще... Не велят, Модест, спасибо, голубчик. Кончено?

Телемахов. Да. Кури уж, курилка.

Сторицын. И одеваться можно?

Телемахов. Можно и одеваться. Модест Петрович, помогите ему.

Сторицын. Чего там, не надо, да не надо же, голубчик, я сам. (*Отвернувшись от Телемахова, одевается.*) Ну как, Телемаша, – поживу еще?

Телемахов (*наливая вино*). Поживешь.

Сторицын. Ты правду говоришь?

Телемахов. А то что же? На велосипеде ездить нельзя, и от цирка «Модерн» надо отказаться. Выставь анонс, что в борьбе не участвуешь.

Сторицын. Ты шутишь, Телемаша? А интересно бы знать, какое было сердце у римских гладиаторов – да, да, вероятно, удивительное сердце. Впрочем, пустяки, и мне совсем не нужно было обращаться к твоей помощи. Ты слушал только снаружи, а я слышу его изнутри, и я могу огорчить тебя, Телемаша, у меня ужаснейшее сердце!

Телемахов. Субъективные ощущения. Усталость.

Сторицын. Да? Ты Телемаша – юморист.

Телемахов. К сорока годам каждое сердце устает. Зачем столько работаешь, зачем столько куришь?

Сторицын. Да, зачем? Но, однако, пойду и доложу Елене, что у меня субъективные ощущения, она так беспокоилась, добрый человек!

Модест Петрович. Может быть, сестру сюда позвать, Валентин Николаевич? Я позову.

Сторицын. Нет, Модест, я сам. Подожди меня, дружок, я быстро.

Уходит. Телемахов, заложив руки под стюрик, прохаживается по комнате, сердито косясь на Модеста Петровича; выпивает еще стакан вина. Затем останавливается перед Модестом Петровичем и долго в упор молча смотрит на него поверх очков.

Модест Петрович (*робко*). Так как же, профессор?..

Телемахов. А так, что плохо. Скверно. Беречь надо.

Модест Петрович. Но вы же сказали, что субъективные...

Телемахов. Сами вы субъект, Модест Петрович. Я еще поговорю с вашей сестрицей, а вы постарайтесь ей внушить, что безобразия ваши пора кончить. Понимаете?

Модест Петрович. Да как же я внушу?

Телемахов. Это уж ваше дело. Вы ей брат. Пора кончить, здесь вам не свинушник, да! Не свинушник. Саввич опять здесь?

Модест Петрович. Но войдите в мое положение!..

Телемахов. Не имею на это ни малейшего желания. Я вообще ни в чье положение входить не желаю, у меня свое положение. Что вы моргаете? Терпеть не могу, когда вы начинаете моргать, Модест Петрович!

Модест Петрович. Но, уважаемый...

Быстро входит Сторицын.

Сторицын. Там, оказывается, Саввич и этот проклятый писатель, Мамыкин. Неприличная фамилия – Мамыкин. Когда они пришли, я не слышал звонка... ах, до чего они мне надоели оба!

Телемахов. Выгони.

Сторицын. Экий ты, брат Телемаша, солдат. Но куда же ты? Неужели домой?

Телемахов. Надо. Больной ждет.

Сторицын. А я думал, вечерок посидишь, Телемаша, старый друг. Эх, жалко. Винца бы выпил – ты красное винцо по-прежнему любишь?

Телемахов. Я и сам бы рад... полчаса можно посидеть. Удивительно, что ты совсем не сидеешь, Валентин Николаевич.

Сторицын. А ты изрядно пообносился, козлиная бородка! Сколько тебе лет, Телемаша? Я помню тебя лет тридцать, да до этого ты еще сколько-то жил...

Телемахов. Однолетки. Да, волчья шерсть. Как твоя книга: идет?

Сторицын. Да что, голубчик, удивительно! – пятое издание готовлю.

Телемахов. Ого!

Сторицын. Да, непостижимо! Ну, а твоя как?

Телемахов. Моя? (*Смотрит вверх очков.*) Стоит на полках как вкопанная.

Сторицын. Да что ты! Это у тебя издатель плохой, Телемаша, это же недопустимо!

Телемахов. Издатель тут ни при чем, книга плохая.

Сторицын. Прекрасная книга, великолепная книга!

Телемахов. Ну, оставь, не люблю. Слушай, Валентин Николаевич, тебе надо остепениться в работе, – да, да, брат, слушай, что я говорю. Зачем выступаешь публично? – не надо. Успех, поклонницы и поклонники, – все это хорошо, но нужно и о здоровье подумать. Ты человек не первой молодости...

Модест Петрович. Валентин Николаевич работает ужасно, до обморока.

Сторицын. Но ты же знаешь, что я не для успеха и не для поклонниц. Что ты говоришь?

Телемахов. Ну – кто же не любит успеха! А скажи, с тобой за это время дурного ничего не случилось, ты что-то невесел? Я думал было, что книга села.

Сторицын. Дурного... Нет, кажется, ничего. Ты куда, Модест?

Модест Петрович. В столовую. Я сейчас вернусь.

Уходит.

Сторицын. Деликатнейший человек!

Телемахов неопределенно смотрит вслед Модесту Петровичу и молчит с явным неодобрением. Сторицын смеется.

Когда я вот так, вдвоем, смотрю на тебя, мне хочется смеяться, как жрецу. Ты все такой же, Телемахов?

Телемахов. А ты? А, пожалуй, пора бы перемениться. Еще не научила жизнь?

Сторицын (*улыбаясь*). Учит. Да, вот что я хотел сказать тебе: у меня книги стали пропадать. Ворует кто-то. На днях у букиниста нашел книгу со своим *ex libris*.

Телемахов (*исподлобья*). Нехорошо, профессор.

Сторицын. Да, очень. Дело не в книгах, хотя пропало довольно много, а в том, что где-то поблизости таится вор... и такой странный вор! Ужасное ощущение, от которого во всех комнатах температура становится на два градуса; ниже. Так-то, Телемахов!

Телемахов. *Ex libris* имеешь, а ключей от шкапов нет? Лучше наоборот, Валентин Николаевич: у меня простые; номера, но зато ключи есть, и ни одна книга пропасть не смеет! Нехорошо, профессор. Горничная у тебя грамотная, на кого ты думаешь?

Сторицын. Дуня наша неграмотная... и ни на кого я не думаю! Как ты не понимаешь этого, Телемаша: именно думать «на кого-то» я и не хочу. Есть люди, которые радуются, найдя вора, поймав преступника, обнаружив лжеца, – они всегда удивляли меня. Когда я встречаю лжеца, – мне становится так... глупо как-то и нехорошо, что я... сам иногда помогаю ему лгать, против себя же. Нелепо, Телемаша?

Телемахов (*пытливо смотря на Сторицына*). Нет, постой, – это интересно: а секретарь, ну вот тот, что на машине работал, у тебя все тот же?

Сторицын. Нет уж, все, что хочешь, но только, Бога ради, без шерлоковщины! Достаточно и того, что вместо своих обычных мыслей, обычной работы, я вдруг на мгновение становлюсь... сыщиком. Эдакие тонкие мыслишки, комбинации, догадки... фух, свинство! Свинство, профессор!

Телемахов. Самому и не надо, зачем? Заяви в полицию, тебе пришлют агента...

Сторицын. Оставь! Прости, Телемаша, я, кажется, немного резок, но все это волнует меня... до болезни. Выпей винца, кажется, то самое, что ты любишь... Дурного? Оно случается каждый день, и ты сам его знаешь не хуже меня. Сам ли я становлюсь зол и нетерпелив, но меня поражает ужасающее неблагородство русской нашей жизни. Столько грубости и хамства... противное слово!.. крика и дрызг, и везде на выставке кулак, кулак! В форме ли кукиша, наиболее мягкой с их точки зрения, а больше – в виде гвоздящего молота. Вот вчера: стоит мой Сергей посередине передней и кричит: «Дунька, калоши!» Что за грубость, и откуда он ей научился? Я его, молокососа, никогда Сережкой не называл, а он стоит и кричит: «Дунька, калоши!» Или вот моя Елена Петровна – добрейший человек, ты ее знаешь, не вылезает из разной благотворительности, а не могу ее научить говорить прислуге «спасибо». «Мерси» еще может, это у нее выходит бессознательно и пусто, а «спасибо» – нет, ни за что! И что тут, подумаешь, трудного – спасибо.

Телемахов. Значит, трудно, коли за двадцать лет не научил. Что это она о тебе беспокоится начала?

Тихо постучавшись, входит Модест Петрович, несет стакан чаю.

Сторицын. Это ты, Модест? Присаживайся, голубчик... Она всегда беспокоится.

Телемахов (*вставая*). Ну, не знаю. Дело ваше, у меня и своих Дунь достаточно. Так я поеду, Валентин, а ты уж постарайся не волноваться.

Сторицын (*обнимая его*). Спасибо, Телемаша, старый друг.

Телемахов. Знаю, что совет нелепый, но обязательный... Что у нас сегодня, пятница? Через недельку заеду, поболтаем. До свидания, голубчик. Ты меня не провожай, я еще к Елене Петровне на минутку зайду. До свидания, Модест Петрович. (*Уходит.*)

Модест Петрович. Суровый человек, неприступный человек! Вот такие точь-в-точь судьи у меня были, как в тюрьму закатывали.

Сторицын. Он юморист. Они там?

Модест Петрович. Да. Сидят.

Сторицын. Не уходи, голубчик. Мне работать сегодня не хочется и не хочется, чтобы кто-нибудь сюда пришел. Ты что, старик?

Модест Петрович (*нерешительно смотрит на часы*). Боюсь я, Валентин Николаевич, относительно поездов.

Сторицын. Ах, да брось твои Озерки! Черт тебя там поселил, в каких-то Озерках, мало тебе места в Петербурге. Когда последний поезд, в час? Ну, и успеешь, у меня на диване заснешь – ведь не девица. Оставайся.

Модест Петрович (*торопливо прячет часы*). Я с удовольствием, Валентин Николаевич, только стеснить боюсь.

Сторицын. А какая неловкость вышла с книгой, Модест? Фу, черт, – впечатление такое, будто я хотел похвастаться своим успехом. Ужасно неловко! – я так люблю Телемашу... Про какую это еще тюрьму ты говоришь? Как ты не устанешь повторять одно и то же, старик! Не ты виноват, что дом развалился, а подрядчик, и пора же к этому привыкнуть наконец.

Модест Петрович. Хорошо, Валентин Николаевич... А он говорит: я, говорит, хам незнающий, надо мною, говорит, глаз нужен, если надо мною глаза не будет, я могу всю землю разрушить. Вот ведь как он говорит, Валентин Николаевич.

Сторицын. Оставь! (*Ходит.*) Он юморист. Я еще его жену помню, красивая была женщина – беспутная, кажется, или что-то в этом роде.

Модест Петрович. Красивее моей бывшей?

Сторицын. Твоя, извини меня, была рожа и мешанка, и ты должен радоваться, что она тебя вовремя выгнала. Они там?

Модест Петрович. Да, я уже говорил тебе, пьют чай... «Я честная женщина, мне незачем ногти чистить».

Сторицын (*ходит*). Печально, печально... Странно и печально. Вот он говорит, что каждое сердце устает к сорока годам – неправда это, Модест. Как может устать сердце? – это вздор. Сердце может плакать, кричать от боли, сердце может биться, как в оковах, но усталость! Мне сорок шесть лет, – а иногда тысячу сорок шесть, но с каждым днем жизнь я люблю все больше, работу мою все нежнее... К черту усталость, старик!

Модест Петрович. На тебя, Валентин Николаевич, вся Европа смотрит.

Сторицын. Не шевелись, старик! Он сед и желт, как пергамент, что понимает он в радости? Он как глухой в опере. Откуда знать ему эту силу внезапных очарований, – радость трагического, – великолепный ужас внезапных встреч, неожиданных открытий, провалов и высот. Усталость! Вообрази, старик, что ты ученый и что ты тысячу лет искал...

Входит Елена Петровна – высокая, полная дама с бурным дыханием. Лицо ее еще красиво, но очень сильно напудрено. Особенно красивы глаза.

Сторицын (*подавляя выражение неудовольствия*). Ну что? наконец успокоилась, Елена?

Елена Петровна (*пробуя его голову*). Тебе не лучше?

Сторицын (*осторожно отводя руку*). При чем же здесь голова! Что у меня – дизентерия, как у грудного младенца?

Елена Петровна. Не волнуйся. Прокопий Евсеевич сказал, что прежде всего ты должен избегать волнений. Ах, Валентин, я так беспокоюсь! Ну, послушай меня, ну, поедем за границу, ты там отдохнешь, рассеешься. Будем ходить по музеям, слушать музыку...

Сторицын. Нет. Мне надо работать, Лена.

Елена Петровна. Тогда зачем же ты жалуешься?

Сторицын. Я не жалуясь, это тебе показалось.

Елена Петровна. Тогда не надо жаловаться, если не хочешь лечиться! Ну, не волнуйся, не волнуйся, я уже давно привыкла все делать по-твоему. Но, если тебе лучше, то, быть может, ты выйдешь в столовую: Гавриил Гавриилыч очень беспокоится и хотел сам поговорить с тобой о твоём здоровье.

Сторицын. Саввич? Нет, нет, пожалуйста, Лена: извинись и, вообще помягче, скажи, что я немного утомлен.

Елена Петровна. И княжна пришла.

Сторицын (*медленно*). Людмила Павловна?

Елена Петровна. Да, и непременно хочет видеть тебя. Я уже говорила ей, что ты не совсем здоров, но она такая назойливая...

Сторицын. Назойливая?

Елена Петровна. Не придирайся к словам, пожалуйста, у меня и так нервы расстроены. Если хочешь, я пришлю ее сюда, она тебя развлечет. О тех не беспокойся, они люди свои, и я им скажу, что это по делу. Я добрая, Валентинчик?

Сторицын (*целюя руку*). Но, пожалуйста, извинись, Лена, вообще помягче.

Елена Петровна. Ах, Валентинчик, я сегодня весь день плачу! Нет, не беспокойся, это я так, у меня ужаснейшие нервы. Будь умницей и не волнуйся, а я сейчас приведу ее. Кажется, девочка не на шутку влюблена в тебя, пожалей ее. Je ne suis pas jalouse...

Сторицын (*укоризненно и резко*). Елена!

Но Елена Петровна уже уходит.

Модест Петрович. Людмила Павловна очень гордый человек. Прекрасная девушка!

Сторицын (*сухо*). Да? Где мой галстук, ты не видал, Модест? Дай скорей, голубчик! Если тебе когда-нибудь захочется сказать настоящую пошлость, то говори по-французски – удивительно удобный язык. И если тебе случится когда-нибудь захворать, Модест, то скрывай это так, как будто ты убийца и кого-нибудь зарезал...

У дверей Елена Петровна и княжна.

Елена Петровна (*церемонно*). Пожалуйте, княжна. Вот он, мой больной, развлеките его, он, бедненький, скучает. Un moment! Venez ici, Modeste!

Модест Петрович (*торопливо*). Иду, сестра, иду.

Поздоровавшись с княжной, уходит. Сторицын и княжна одни.

Сторицын. Людмила Павловна, я очень рад... Простите великодушно, здесь такой ужасный беспорядок. Этот поднос я уберу, эти бумаги я отложу, эти гранки – так; теперь садитесь, пожалуйста, Людмила Павловна.

Людмила Павловна. Вы нездоровы, Валентин Николаевич?

Сторицын. Пустяки, о которых чем меньше говорить, тем приятнее.

Людмила Павловна. Хорошо. Ваш кабинет теперь не такой, чем днем.

Сторицын. Лучше?

Людмила Павловна. Да. Я вам не мешаю?

Сторицын. Нет, Людмила Павловна, вы были больны?

Людмила Павловна. Нет, я была здорова. Я теперь каждый день езжу верхом на острове.

Сторицын. На острова? Да, конечно. Но я успел немного привыкнуть, чтобы мы вместе возвращались с курсов, и эти две недели...

Людмила Павловна. Вы привыкли, чтобы я вас провожала? Я не хотела.

Сторицын. Да, конечно. Не прикажете ли чаю, княжна?

Людмила Павловна. Нет, благодарю вас, я в это время не пью. У вас в столовой сидит Саввич? Он всегда там сидит?

Сторицын. Да, почти всегда. Во всяком случае – пять лет.

Людмила Павловна. И в кабинет вы его также пускаете?

Сторицын. Оставим Саввича. Вы и у нас долго не были, отчего?

Людмила Павловна. Тоже не хотела. Мне очень не нравится ваш дом. Вы ничего не имеете против, чтобы я так говорила? – я могу иначе.

Молчание. Сторицын тихо и нехотя смеется.

Сторицын. Я смотрю на ваши длинные перчатки и чувствую себя, как студент, который на балу случайно познакомился с великосветской барышней и не знает, о чем с ней говорить. На вас особенное платье – обыкновенно я не вижу, как одеваются женщины, но на вас особенное платье, и от этого я просто не узнаю своего кабинета. Интересно было бы видеть вас в амазонке. Впрочем, все это пустяки... и вы хорошо делаете, что молчите. Скажите, Людмила Павловна, вы прочли книги, которые я вам рекомендовал?

Людмила Павловна. Нет.

Сторицын (*сухо*). Вероятно, не было времени?

Людмила Павловна. Да. Я все думала, и мне некогда было читать.

Сторицын. О чем же?

Людмила Павловна. О жизни думала. И о вас думала.

Молчание. Сторицын быстро ходит.

Сторицын. Вы знаете, о чем я всегда мечтал?..

Людмила Павловна. Ваша жена сказала, что вам вредно волноваться.

Сторицын. Оставьте!.. Я мечтал о красоте. Как это ни странно, но я, книжник, профессор в калошах, ученый обыватель, трамвайный путешественник, – я всегда мечтал о красоте. Я не помню, когда я был на выставке, я почти совсем лишен величайшего наслаждения – музыки, мне некогда прочесть стихи; наконец, мой дом... Вы слушаете?

Людмила Павловна. Да.

Сторицын. Но не в картинах дело, да и не в музыке. Вот говорят, что жить надо так и этак... много говорят, как, когда-нибудь вы все это узнаете, – я же знаю одно: жить надо красиво. Вы слушаете? Надо красиво мыслить, надо красиво чувствовать; конечно, и говорить

надо красиво. Это пустяки, когда человек заявляет: у меня некрасивое лицо, у меня безобразный нос. Каждый человек – вы слушаете? – должен и может иметь красивое лицо.

Людмила Павловна. Как у вас?

Сторицын. Я вам очень благодарен, что вы мое лицо считаете красивым: я сам его сделал таким. Но это я, – а как же другие? Объясните мне эту загадку... эту печальнейшую загадку моей жизни: почему вокруг меня так мало красоты? Я надеюсь, я верю, что кто-нибудь из моих слушателей, которого я не знаю, которого я никогда не видел близко, унес с собой мой завет о красивой жизни и уже взрастил целый сад красоты, – но почему же вокруг меня такая... Аравийская пустыня? Или мне суждено только искать и говорить, а делать, а пользоваться должны другие? Но это тяжело, это очень тяжело, Людмила Павловна.

Людмила Павловна. Наш дом очень красив, но от этого он еще хуже. Кто вам поставил розочку?

Сторицын. Модест. Это значит: или ваш дом в действительности некрасив, или же не так плох, как вы думаете.

Людмила Павловна. Нет, очень плох, я знаю.

Сторицын. Но ведь вы же из этого дома? Простите, княжна.

Людмила Павловна. Я не люблю, когда вы называете меня: княжна. И вы искренно думаете, профессор, что я красивая?

Сторицын смеется.

Сторицын. Да.

Людмила Павловна. Потом буду – да, а сейчас нет. Вы знаете, я бросила живопись. Это такой ужас! – я смешивала красивые краски, и вдруг на бумаге выходила гадость. А они хвалят. И вы знаете, зачем я езжу на острова? – думать. Однажды вы, Валентин Николаевич, посмотрели на меня с презрением...

Сторицын. Я?

Людмила Павловна. Да, вы, Валентин Николаевич, – и даже с отвращением. И с тех пор я все думаю, и если бы вы знали, как это трудно! Иногда я даже плачу, так это трудно, а иногда радуюсь, как на Пасху, и мне хочется петь: Христос воскрес, Христос воскрес! И вы неверно думаете, что жить надо красиво...

Сторицын (*улыбаясь*). Неверно?

Людмила Павловна. Да. Жить надо – чтобы думать! Иногда я начинаю думать о самом безобразном, у нас на дворе есть такой мужик Карп – и чем больше я думаю, тем безобразия все меньше, и опять хочется петь: Христос воскрес!

Сторицын. Дорогая моя, но ведь это же и есть...

В дверь стучат.

Ах, Божемой. Войдите, кто там... Что надо, Модест?

Модест Петрович (*нерешительно подходя*). Прости, Валентин, но к тебе хотят Гавриил Гаврилович и Мамыкин.

Сторицын. Зачем это? Нельзя.

Модест Петрович. Но они уже идут. Гавриил Гаврилович беспокоится о твоём здоровье.

Входят Саввич и Мамыкин, некоторое время спустя – Елена Петровна. Саввич – полный, крупных размеров, красивый мужчина с черными, подстриженными щеткой усами.

Саввич. Хотя вы, профессор, и запретили строжайше входить в ваше святилище и хотя у нас и трясутся коленки от страха, но раз вы сделали исключение для одной особы, то и мы решили с Мамыкиным: пусть исключение станет правилом. Садись, Мамыкин.

Сторицын (*сухо*). Садитесь, Мамыкин.

Саввич. Кроме шуток: как вы себя чувствуете, знаменитейший? Докторам не верьте, все доктора врут.

Сторицын. Меня выслушивал Телемахов.

Саввич. Знаю-с, но что отсюда следует? Позвольте, позвольте, хотя вы и знаменитейший профессор, а я никому не известный учитель гимназии, но я всегда позволяю себе говорить правду: ваш Телемахов – форменная бездарность. Почему вы не обратились к Семенову, ведь я же вам советовал? Не слушаете советов, а потом и киснете, как старая баба, извините за дружескую прямоту. Вот мне сорок лет, а вы видали когда-нибудь, чтобы я был болен, жаловался: ах, головка болит, ах, сердце схватило! Ты видал, Мамыкин?

Мамыкин. Нет.

Саввич. И не увидишь! Исторический факт. Ты что, Мамыкин, закис: знаменитейшего испугался? Не бойся, он не кусается.

Мамыкин. Я никого не боюсь.

Саввич. И не бойся. Папироску возьми.

Мамыкин. У меня свои есть.

Саввич. Брось! Ты сколько за свои платишь: небось три копейки десяток, ведь ты пролетарий, а профессорские с ароматом.

Сторицын. Пожалуйста, курите, Мамыкин.

Елена Петровна. Вы не знаете, княжна, когда первый абонемент в опере?

Саввич. Профессор, мы с Мамыкиным о рукописи зашли спросить... Виноват, княжна, вы что-то изволили сказать.

Людмила Павловна. Валентин Николаевич, вы свободны в воскресенье? Поедемте с вами куда-нибудь за город.

Сторицын. В воскресенье? А что у нас будет в воскресенье?

Саввич (*хохочет*). Пятница.

Сторицын (*смеясь*). То есть я хотел сказать, что у меня есть какое-то заседание.

Елена Петровна. Нет, нет, княжна. Бога ради, увезите его. Я буду от всей души благодарна! Ему так необходим воздух... я рассержусь, если ты не поедешь, Валентин.

Саввич. Разве и мне с вами проехаться? Я тоже давненько на лоне природы не был.

Мамыкин. Вы забыли, Гаврил Гаврилыч, в воскресенье я читаю у вас повесть.

Саввич. Ах да, да, да, – забыл, брат! И как раз днем. Послушаем, послушаем твои обличения!

Сторицын. Великолепно! Прекрасно! В конце концов это замечательная идея. Но, позвольте, куда же мы поедем? Или... или... А что, Модест, если мы приедем к тебе в Озерки? Как вы думаете, Людмила Павловна?

Людмила Павловна. Я согласна.

Модест Петрович. Валентин, милый, если ты не шутишь...

Сторицын. Не шевелись, старик! Но только как это сделать: мне за вами захватить, или (*тревожно*)... Модест, ты мне расписание дай, у тебя есть расписание?

Людмила Павловна. До свидания, Елена Петровна.

Елена Петровна. Куда же вы?

Людмила Павловна (*не отвечая*). Вы не можете сегодня проводить меня, Валентин Николаевич?

Сторицын. Сегодня?

Саввич. Сегодня ему нельзя.

Елена Петровна. Нет, отчего же. Конечно, пусть пройдет, здесь так накурено.

Сторицын (*строго*). С удовольствием, Людмила Павловна... Я сейчас же вернусь, Елена.

Княжна прощается одним поклоном, не протягивая руки; Елена Петровна провожает ее, Модест Петрович и Сторицын идут сзади.

Сторицын (*на пороге*). Ах, да: не забудь же дать мне мелочи, Елена, я назад на извозчике... И где мой портсигар? Здесь!

Выходят; Саввич и Мамыкин одни.

Саввич. Видал миндаль?

Мамыкин хихикает.

Ты, Мамыкин, смеешься, а меня возмущает вся эта профессорская порнография. Что понимает девчонка, да еще из такой семьи?

Мамыкин. А разве он?..

Саввич. Почему я знаю, я не шпион.

Мамыкин. Она сама завлекает.

Саввич. Не понимает, оттого и завлекает.

Мамыкин. Она нас презирает, Гаврил Гавриилыч. Гордячка!

Саввич. То есть кого это нас – меня?

Мамыкин. Да и вас. Я все время глядел на нее, как она на вас посматривала, благодарю покорнейше.

Саввич. А вот я ее в следующий раз ошпилю, как галку: будет знать. Не любят они правды, Мамыкин. Пойди сюда. Ты видал, какой письменный прибор у знаменитейшего?.. Посмотри.

Мамыкин. Чего я там не видал?

Саввич. Нет, ты посмотри... Чистейшая бронза! Нет, ты на руку взвесь. Что?

Мамыкин. Да.

Саввич. Тысячи две, как одна копеечка; тебе, пролетарию, таких денег и не представить.

Мамыкин. А на прислуге лица нет, загоняли, как лошадь! Что ж, прочтет он мою рукопись когда или нет, до каких же пор я ждать буду?

Саввич. Некогда.

Мамыкин. А провожать есть когда? Люди!

Саввич. Потерпишь.

Мамыкин. Я потерплю! Я потерплю! Да Боже ж ты мой!.. Как не просыпался у меня талант, так думал я: вот они, настоящие-то люди, литература-то наша, ученые-то наши. А как пошел ходить – что такое! Одна черная зависть, одно хамство, чуть-чуть собаками не травят, по три часа в передней с лакеями держат. Вижу я: схватился человек за свой сладкий кусок и аж дрожит – как бы кто не вырвал. Жил я целый месяц у Сохонина: всей России известный писатель, народный печальник...

Саввич. Выдохся твой Сохонин, и охота была к нему ходить.

Мамыкин. Всей России известный писатель, а что у него в доме делается? Только и видишь, что жрут: ночь ли, полночь ли...

Входит Елена Петровна.

Елена Петровна. Господа, ужинать. Сергей и Модест уже за столом, идемте скорее, Мамыкин.

Саввич (*хохочет*). Ночь ли, полночь ли...

Елена Петровна. Что вы смеетесь? Мамыкин, пройдите, пожалуйста, вперед, мне нужно несколько слов сказать Гавриилу Гавриилловичу.

Саввич. Что еще такое?

Елена Петровна. Нужно, раз говорю. Идите, идите, скажите там, что я сейчас.

Мамыкин уходит.

Саввич. Что это за тон? Я сколько раз тебе говорил, чтобы таким тоном ты не смела со мной разговаривать! Скажите пожалуйста!

Елена Петровна. Гавриил, сегодня я весь день плачу. Это ужасно, я с ума схожу! Гавриил, во имя всего святого, я умоляю тебя: продай бумаги, хоть на три тысячи, хоть на две. Я с ума схожу!

Саввич. Я вам уже объяснял, что сейчас, при теперешнем состоянии биржи, мы ничего продавать не можем... Поняли? Поняли или нет?

Елена Петровна. Я ничего не понимаю. Меня под суд, я на себя руки наложу.

Саввич. Вздор-с! Выпутаетесь! Позвольте, что я вам – мальчик? Так я вам и поверю, что у вас с профессором двух тысяч нет! Что я, мальчик?

Елена Петровна. Двух копеек нет. Завтра на обед нечего.

Саввич. В старых юбках покопайтесь: не зашито ли.

Елена Петровна. Как вы смеете наконец! Я плачу, я обращаюсь к вам, как к порядочному человеку, а вы ведете себя, как на улице.

Саввич. Что-с?

Елена Петровна (*задыхаясь*). Вы грубы, как пьяный сапожник. Я с ума схожу, когда говорю с вами. Какая низость! Вы не смеете так говорить в этом доме, да, да, не смеете. Вы забыли, в какой дом вы пришли. Вы... извозчик! По какому праву вы смеете кричать на меня, когда даже муж... даже муж...

Саввич. По праву вашего любовника, Елена Петровна. И если я себя веду, как сапожник, то вы ругаетесь, как кухарка. Стало быть – квиты.

Елена Петровна. Вы ограбили меня!

Саввич (*угрожающе*). Что такое? Прошу повторить! Что такое вы изволили сказать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.